

Даниэль Брэйн
КАТОРЖАНКА

18+

Даниэль Брэйи

Каторжанка

<https://litres.ru/74372654>

SelfPub; 2026

Аннотация

Из князей — прямо в грязь. Ни магии, ни влияния, ни свободы. Меня ждет гибель на островах, где среди ледяных болот караулят жертву хищные твари. Кто я? Жена государственного преступника. Каторжанка. Семья от меня отказалась, муж считает предательницей, заговорщики — шпионкой. Меня убьют, не стоит и сомневаться.

Кто я? Пацанка, безотцовщина, миллионер, икона стиля, так чем меня хотят испугать? Я вырву зубами последний шанс, увижу выгоду в куче пепла, взойду на трон по головам. Плевать на семью, любовь, титул — мне нужна свобода, и мы в расчете.

XIX век, детектив, быт, монстры, интриги, простолюдины и аристократы, пылкие сердца и холодные умы без прикрас и наносного лоска. Очень циничная зрелая попаданка, а из прочих кто герой, кто подлец — откроет финал истории.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	30
Глава 4	47
Глава 5	61
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Даниэль Брэйн

Каторжанка

Глава 1

Хочешь скрыться — будь у всех на виду.

Хочешь скрыться — лежи на шезлонге, щедро намазавшись солнцезащитным кремом, прикройся книжкой с провокационным названием «Идиот», подальше от криков, музыки, навязчивых торговцев и аниматоров, озабоченных соотечественников — о, они озабочены всем, что ни возьми: детьми, завтраком, обедом, ужином, нерасторопным гидом, чужим лежаком, — и, пытаясь читать, что все равно бесполезно, слушай, что о тебе говорят.

— Ужасно. До чего неухоженная.

— У нее даже ногти не покрашены. Видела?

— Она на этот тур последние деньги, что ли, потратила?

— Да она себе никого здесь не найдет!

Хочешь скрыться — будь там, где тебя никто не ждет.

Отдавала ли я себе отчет, куда еду? Понимала ли, что сервис не очень и территория так себе? Да, да и да. Разумеется. Все, что мне было нужно, отсутствие внимания. Пересуды — боже, какая чушь, людям надо обо что-то чесать языки, и, хмыкнув, я демонстративно повернула к размалеванной

девице томик классика. Девушка вгляделась, словно не веря, что кто-то мог так книгу назвать, пробегающий мимо атлетически сложенный аниматор вжал голову в плечи и поспешил исчезнуть, пока не стал жертвой оголодавшей туристки. Я пожалала плечами: беги, парень, беги, там, на пляже, их целые полчища... ты знал, куда шел работать, терпи, до конца сезона еще пара месяцев.

На прокаленный солнцем бордюр выскочила мелкая ящерка, сосредоточенно уставилась на меня, замерла, вытянув хвост. Удивительные создания — юркие, верткие, способные на сверхъестественные вещи. Примерно такая же ящерка была на логотипе моей компании, и я посчитала — добрый знак. Редко когда я могу позволить себе хотя бы неделю настоящего отдыха.

Когда я отдыхала последний раз? В старшей группе детского сада? Пожалуй. Потому что на следующий год нас бросил отец, ушел на работу и больше домой не вернулся, и мать осталась с тремя детьми — мной, братом младше меня на год и совсем мелкой еще сестренкой. Ни нянек, ни тятек, ни алиментов, одежда от действительно добрых людей, тесная однушка с древней мебелью, зарплата у матери... с голоду не умереть, но жить по-людски тоже не получалось.

В первом классе я, дойдя по сугробам до холодной девятиэтажки, ставила в подсобке портфель и шла помогать матери. Сметала волосы в пластиковый совок, поднимала упавшие ножницы, став чуть постарше, мыла пол. Клиенты в те

времена были не привередливыми, а мастера — просто богами, и какая-нибудь мадам Мясной Отдел боялась нос почесать из-под шуршащей накидки. Люди были и благодарными, и со временем мать научилась не стесняться своей профессии и без стыда смотреть в глаза бабушке: как ты могла? Дочка профессора!

Так и могла. Вышла замуж юной девчонкой по любви, не получив образования, и ошибка матери стала мне самым наглядным уроком. Любовь растаяла вместе с мужем, ЗАГС оформил развод, по всей стране искали неплательщика алиментов, а детей надо было кормить. Мать стригла и красила, сжигала руки химическими составами, приходила домой и растирала ноги с выпирающими венами. Я росла и помогала растить брата и сестру... и, пока росла, познавала все тайны немудреной профессии.

Тогда всем казалось: да ерунда, что там уметь, щелкай ножницами. Клиент не денется никуда и подкинет тридцать копеек как чаевые. Мне тоже так казалось, и один раз, когда поток клиентов иссяк, я притащила сестренку в зал...

— Боже мой, Юля!..

Я потупила взор и незаметно, как я считала, затолкала сестренкину косу за кресло.

— Что ты наделала?

— Как ты это сделала?

Мать и заведующая, пожилой мастер, в очереди к которой мадам Мясной Отдел, а то и мадам Березка, стояли неделя-

ми, рассматривали стрижку моей сестры. Я крутила головой вправо и влево и думала — смысл теперь кричать? И сестренка давно просила остричь надоевшие волосы. И да, мне ведь легче будет ее мыть.

— Тамара, ты что, учила ее работать?

— Да я ей в жизни ножницы больше не дам! — в отчаянии воскликнула мать. Она никогда нас физически не наказывала — а стоило бы, подумала маленькая, но упрямая я. — Юля, что это такое?..

— Это... я просто глазам не верю, — пробормотала заведующая, а нас уже окружили остальные мастера. Тишина стояла невероятная. — Тамара, ты посмотри, как она выполнила срез! Переход вообще не заметен! А линия затылка? — она взъерошила волосы сестры. — Ты видишь, как она скрыла то, что затылок скошен? На таких мягких волосах! Просто немислимо!

— Надежда Павловна, — вмешалась одна из мастеров, — да ей всего десять. Точно кто-то из нас малышку постриг. Ну вы сами взгляните!

— Да вы все как одна криворукие! — возмутилась заведующая и махнула рукой. — Валидолу мне принесите. Сорок лет за креслом стою, такого не видела.

Участь моя была предрешена.

Я не видела себя больше нигде, кроме как в парикмахерской. У меня был нескладный мальчишеский вид, длинные тощие руки и ноги — ела я все же не разносолы, — два спи-

ногрыза на шее, ежедневная работа. Но я была круглой отличницей, и после восьмого класса моя надменная бабушка не преминула сказать, что я причина ее инфаркта. «Тамара, она тоже пошла в ПТУ!» — прозвучало, как будто бы в каторжанки. Но я удачно поступила на первый курс получать самую востребованную профессию в мире: падали занавесы и стены, с треском рушилось прошлое, менялся мир, и бывшие школьные подружки матери — те, которые пренебрежительно спрашивали «Ну как, Томочка, тебе в парикмахерской?» и совали копейки «на чай», хлынули, сгибаясь под тяжестью тюков, на турецкие и польские рынки.

Многие не вынесли и сломались. Я же моталась по уцелевшим хозмагам и сама точила себе инструмент, смешивала ядовитые краски, вчитываясь в составы и смягчая их, как могла, подтягивала вечно спадающие штаны «с чужих ягод», закручивала волосы в серую «гульку» — тогда никто не смотрел, как выглядит тот, кто делает из тебя королеву, — и держала в руках подарок одной из случайных клиенток, настоящее чудо — западный журнал. Там была бесценная информация: техника стрижек, окрашивания, выполнение разных видов завивок... Беда: школьный английский оставлял желать лучшего. Вторая беда: я видела — все, чем я пока что располагаю, это инструмент карательного создания пережатых пергидрольных клонов, а не подлинная индустрия красоты и индивидуальности.

Мне исполнилось семнадцать, и я поступила на химиче-

ский факультет. Потому что составы, описанные в журналах, не попадали на наши прилавки. Потому что то, что попадало, бесповоротно портило волосы, как ни крути. Потому что я разрывалась между химией и биологией, потому что то, чему я могла научиться как парикмахер, было мало для того, чтобы делать все лучше всех.

Не стрижкой единой, думала я, рассматривая образы в глянце. Все, от улыбки до завитка. Стрижка требовала изменения цвета, цвет — новый макияж, макияж — общий образ, и так без конца, с учетом того, что все должно быть предельно просто, чтобы клиент мог сам это все повторить за двадцать минут перед выходом на работу.

Студенческие годы — веселые свадьбы. Рукописные плакаты, неровно нарезанная колбаса и встревоженная невеста: «Юленька, я к тебе!». И первые «Полароиды», и первое: «Кто тебе делал укладку? А макияж?».

И первый клиент с деньгами и большими запросами.

Диплом неорганика я положила в стол в кабинете и, переодевшись в халат, вышла в зал. Смешно, но мрачные бритые мужики, явившиеся узнать, кто у меня «крыша», задумчиво хмыкнули и привели ко мне матерей, жен, дочерей, любовниц и секретарш своего шефа. Запросы клиентов росли вместе с моими доходами и аппетитами профессионала.

В двадцать пять лет я получила первый патент на средство для щадящей завивки. В двадцать семь я, сама того не ожидая, оказалась на обложке профессионального журнала

как победитель конкурса визажистов. В тридцать два года я моталась между семью салонами на родине и шестью — за ее пределами. В тридцать четыре провела первую лекцию в собственной школе. В тридцать шесть в мое кресло села настоящая голливудская кинозвезда. В мои сорок три года я и моя фирма скромно отметились в титрах очередного блокбастера.

Мне не было легко и просто, о нет. Меня, как и всех, трясли кризисы, настигали неудачи, финансовые ямы, кредиты. Я радовалась новой мебели — наступал дефолт, я заказывала новые средства — вводили ограничения на поставку именно этой марки, я набирала новых мастеров — объявляли всеобщий карантин. Я заключала аренду — сносили здание, я разрабатывала программу обучения — требовалась лицензия буквально за день до старта. Скакал курс валют, вставляли контейнеры, в очередном перспективном средстве обнаруживали едва ли не яд. В салон влетали мужья клиентов, порой нетрезвые и невменяемые, обвиняющие нас всех черт знает в чем. Являлись незапланированные проверки и находили то, чего просто не может быть. И все это встречала я — с неизменной улыбкой, потому что я создаю настроение и меняю жизнь.

Я — демиург с брашем и хайлайтером. Та, кто делает из вас, в конце концов, человека, которым вы сами хотите быть.

Я давно не смотрела на простых смертных. Мне звонили из киностудий, чтобы обсудить образ протагониста, мне пи-

сали на почту те, кому нужно было подчеркнуть мягкость или, напротив, суровость образа для одного-единственного выступления или предвыборных дебатов. Якобы случайно упавшая на лицо прядь волос, румянец чуть ярче, чем привычный, тень на виске, подчеркнуто острые скулы...

И все началось со стрижки моей сестры.

Если бы милые барышни знали, кто скрывается за очкастой туристкой в специально купленном дешевом купальнике... но я и добивалась того, чтобы меня никто не узнал. В отелях моего уровня я постоянно натыкалась на собственных же клиентов со всех концов нашей маленькой планеты. Их было не обмануть ни очками на пол-лица, ни бесформенной туникой.

Но в широких кругах имя мое было известно, облик — нет. И никто лучше меня не умел маскироваться.

— О-о, смотри, Юлия Гуревич! Боже, она совершенна! Икона стиля!

— Да на ней, наверное, одни трусы стоят больше, чем вся эта дыра, где мы остановились...

Слава богу, что это они о журнале, подумала я. Меня здесь нет и не будет еще пять дней. Я — обычная уставшая тетка, весь год копившая на эти якобы «четыре звезды». По крайней мере, здесь вкусно кормят.

— Прикинь? Гуревич под пятьдесят! А эта... ушла уже? Не дай бог мне так в ее возрасте обабиться...

Куда ты денешься, подумала я, вступая в прохладный

холл.

Отель был трехэтажный, лифтов не было. Говоря откровенно, когда-то он был уровневой «пятеркой», в свое время здесь останавливались и шейхи, снимая целый этаж, но время пообтесало стены, сморило мебель. Что-то заменили, что-то ждало своей очереди. Я поднималась по лестнице, ощущая, как странно трясутся ноги.

Что?..

Стены покачнулись. Я схватилась за перила, судорожно вспоминая, как крикнуть врача. Мне всего сорок девять, слишком...

Внезапно не стало крыши. Яркое солнце ворвалось через просвет и больно полоснуло меня по глазам. Я зажмурилась. Лестница зашаталась, я вцепилась в перила, не понимая, куда бежать.

Я слышала крики — испуга, боли, отчаяния. Рушившийся мир был беззвучен — он швырял куски белого камня передо мной, за моей спиной, заметал все вокруг белой крошкой. Я заставила себя обернуться, кинуться вниз — пролет по дрожащей лестнице, площадка, бывшая стена. Доли секунды, прошли какие-то доли секунды... ноги несли меня за пределы этого ада.

Земля разошлась в нескольких метрах передо мной. Сперва узкая трещина, она становилась все шире, полметра, метр, с треском — наконец я услышала новый звук, лестница подломилась, и у меня не было больше опоры, кроме ступенек,

висящих в воздухе. В белой крошке вертелся мир, я закрыла глаза, набрала в грудь воздуха. Я почувствовала, что куда-то лечу, бесконечно долго, на белый свет, яркий... солнце? Я снова смотрю на солнце?..

Стало тихо. Не было криков. Все замерло, ожидая конца. Я выдохнула, открыла глаза и ничего не увидела, кроме слепящего света, и не почувствовала ничего, кроме парализующего холода.

Раздалась быстрая барабанная дробь. Мне в ноздри ударил запах — кожи, лошадей и металла. Крови? Я сморгнула, потрясла головой. Тело стягивало странной одеждой, мне было жарко и холодно одновременно, и не успела я это понять, как в лицо мне швырнуло пригоршню снега, а следом ушли остатки тепла и кровь моя застыла в венах.

Я утерла лицо рукавом. Откуда на мне одежда? Свет исчез, проступили контуры впереди — невысокие здания, серое небо, площадь, безъязыкая толпа, посредине площади — помост, люди с одной стороны его и с другой, и что-то, напоминающее футбольные ворота, на этом помосте, и несколько болтающихся веревок с петлями на конце.

— За такие злодеяния — повесить! — разобрала я. Один из людей, стоящих на помосте справа, сомлел. На людей слева начали надевать белые колпаки.

— Пойдем, ваше сиятельство, — услышала я, и кто-то потянул меня за рукав. — Пойдем. Посмотрели — и будет.

Я опустила взгляд на свои руки. Перчатки, перстни с

крупными камнями, ложится снег и не тает, мелкие звездочки, кажется, каждую можно разглядеть, сохранить.

Я должна быть под жарким солнцем, заваленная обломками.

Сильная рука потащила меня с места казни прочь.

Глава 2

Все было слишком реальным, чтобы происходить не наяву. Мне было холодно и неудобно, я с трудом сдерживалась, чтобы не заорать на женщину, идущую рядом со мной: высокая, крепкая как гренадер, она не то охраняла меня, не то за мной следила. Она куталась в подобие старинной поношенной шубы, а я тряслась от пронизывающего ветра в короткой курточке, путалась в длинной юбке и сметала подолом мешанину из глины и снега.

На меня не смотрели. Моя спутница локтями расталкивала людей и ругалась. Я шла следом за ней и опускала голову — не от страха или стыда, от холода. Если я умерла и это ад, то самое подходящее для меня место: не котел, а промозглая сырость. Я от нее умру во второй раз.

За нашими спинами раздались залпы и крики, я остановилась и обернулась. Мне ничего не было видно поверх голов, все действие происходило на возвышении, на холме, а мы уже спустились настолько, что мне достались лишь напряженные спины.

Снова выстрелы, и я повернулась к женщине. Что бы там ни творилось, я оттуда ушла, и больше это меня не касается.

— Куда вы меня ведете? — спросила я сквозь зубы. Меня колотило, губы и язык еле шевелились, я понимала, что еще пара минут, и я просто рухну, физически рухну, мне нужно

в тепло.

Женщина отступила от меня на шаг, и глаза ее испуганно забегали.

— Домой, ваше сиятельство, — напомнила она, глядя в сторону. — Если его сиятельство узнает...

— Без разницы! — огрызнулась я и, наплевав на все и вся, обхватила себя руками, окончательно утратившими чувствительность, и судорожно начала тереть предплечья и плечи, разгоняя кровь хоть немного. Мысли мерзли — так тоже бывает. Думать и то невозможно и сосредоточиться. — Где... — Что? Дом? Машина? Экипаж какой-нибудь? — В тепло, только побежали в тепло, быстро!

Женщина шарахнулась от меня, вскользь коснувшись кончиками пальцев век.

— Тронулась, — выдохнула она. — Ваше сиятельство, вашего мужа...

Я не слушала, что она говорит.

Город был серый — серое небо, серые дома, даже слякоть под ногами непривычная, серая, серая я и серые люди — сто пятьдесят оттенков серого цвета, серый снег, серый ветер. Ветер пах слежавшейся серой солью — возможно, море недалеко. Люди все еще стекались взглянуть на казнь, я крутила головой — должно быть хоть что-то, хоть какой-то кабак... трактир, что угодно, и вот я увидела приветливо распахнувшуюся дверь, которая выпустила упитанного господина, и с визгом рванула туда, мечтая лишь об одном — до-

бежать и попросить полстакана виски, хотя в жизни не употребляла крепкое спиртное. Ноги мои сбивались о брусчатку и разъезжались, как у пьяного. Женщина догнала меня и поволокла в сторону от вожаемого тепла.

— Руки! — заорала я.

Визг — уже чей-то, не мой, топот сапог и голос: «Да это графиня Дитрих, скорбна стала!». Женщина, кто бы она ни была, приставлена оказалась ко мне не зря. Она не выпустила меня, несмотря на то, что я всерьез озверела и готова была вырываться, дернула меня в сторону, едва не повалила, перед нами остановился экипаж, и меня впихнули в пахнущее лошадьми и скверно выделанной кожей нутро.

— Стерва, — зашипела я. Экипаж дернулся и помчался, подсакивая на колдобинах, я скорчилась на вонючем сиденье и ловила в своем теле последние исчезающие крохи тепла. Их было так мало, что каждую я хватала мысленно как искру, старалась удержать, но куда там, они таяли как снежинки, господи, я ненавижу снег! Я ненавижу холод, я его физически не выношу!

«Это же состояние после наркоза», — подумала я, впадая в оцепенение. Я нашла объяснение, мне стало легче. Всего лишь мое подсознание выдает картинки из небытия, а тело реагирует как и должно. Прошла операция и, скорее всего, прошла благополучно. У меня отличная страховка, не базовая, а отель стоял рядом с крупным городом.

Если город тоже не разрушен до основания, но ведь этого

просто не может быть.

Моя сопровождающая укрыла меня своей шубой. Я осознала это только тогда, когда легче стало дышать и вернулась — не полностью, но уже легче — способность воспринимать реальность. Или нереальность, я не знала, что меня окружало. Я лежала, почти наслаждалась дрожью, это значило, что я все еще жива, и часто, неглубоко дышала. Черта с два... Я хочу обратно под раскаленное солнце.

Бешеная гонка по неровной дороге окончилась. Распахнулась дверь — в этой повозке хотя бы не дуло поганым ветром, — меня выволокли, и я не была уверена, что я в состоянии открыть рот и обругать того, кто вытащил меня снова на холод, но затем меня окутало блаженным теплом, звуки улицы резко пропали, вокруг запахло как в церкви — свечами и чем-то сладким, и как только меня отпустили, я осела кулем прямо на пол.

— Доктора бы, — услышала я. — Ей с самой казни так дурно. Как бы разума не лишилась, — обеспокоенно заметила моя надсмотрщица.

— Мыслимо, — непонятно ответил мужчина. — Это еще господина помиловали.

— Да было бы лучше, если бы нет, — возразила женщина. — Святой Трон возвестил, что освободит жен от клятвы, живы мужья или нет, а толку?.. Ваше сиятельство, — она наклонилась ко мне, от нее, я разобрала, пахло приторными сладкими духами, — его сиятельство ждет вас, поди. Пой-

дем, пойдем.

Меня снова потащили куда-то. Я открыла глаза — синие, серые, серебристые занавеси, натертый до блеска пол, серебряные подсвечники, на толстых кусках воска трясутся от ужаса огоньки, бесконечная лестница. Мне пора бы очнуться.

Вереница комнат расплывалась в одно большое пятно, потом меня усадили, и я слышала лучший звук на свете — треск огня. Где бы я ни оказалась, напротив меня пламя ело поленья в камине. Завороженная, я стекла на пол, на коленях подползла ближе к огню, протянула руки в перчатках. Даже если подпалю, черт с ними. Лучше боль от ожога, чем мерзнуть.

— Аглая, — сказал глас небесный, — твои чувства не довели тебя до добра.

— Отвали, — прошептала я, удивляясь, что никуда за прошедшие годы не пропала юная парикмахерша Юлька, которой и по рукам клиентам иногда приходилось давать, пресекая вольности. Потом я подняла голову — на меня смотрел высокий представительный господин, словно сошедший с портретов девятнадцатого века.

Что я сказала, он не расслышал.

— Посмотрела? — продолжал господин. У него были черные как оливы глаза и немигающий взгляд. — Встань. Сидишь как кабацкая девка.

Я не пошевелилась. Господин покачал головой и сел в

кресло, из которого выползла я.

— Полковник Дитрих, — выплюнул он брезгливо, — высочайшей милостью императора был помилован. Хочешь знать, что ждет его дальше?

Я помотала головой. Какое мне дело до какого-то полковника? Лишь бы господин не приказал отшвырнуть меня от огня. У меня нет сил сопротивляться.

— Их ждет пожизненная ссылка. Всех до единого, кто живым доедет до северных островов. Что до тебя, то... — он откинулся назад и буравил меня взглядом. Очевидно, чего-то ждал, но я впитывала живительное тепло, оттаивала в прямом смысле слова. — Святой Трон и император освободят всех жен от брачной клятвы. Но видишь ли, дорогая дочь, за ошибки надо платить.

Я кивнула. Мели, Емеля, я в этом даже с тобой согласна.

— Ни я, ни твой брат, никто из нашей семьи не хочет пятна, — он поднял руку, описал полукруг, выставленный палец остановился на мне. Я в ответ скривилась. — Есть тот, кто сегодня же возьмет тебя в жены и увезет отсюда как можно дальше? Какой-нибудь завалящий капрал, чтобы ты остаток дней провела с ним в крепости под палящим солнцем?

Я оживилась. Если у меня такая альтернатива, я ориентируюсь на климат. Есть пустынный завалящий капрал?

— Но ты всегда была идеалистичной и верной... дурой, — припечатал меня господин. — Оставайся такой. Много денег тебе я не дам, только чтобы ты не умерла по дороге. После-

завтра их всех отправят этапом прочь — никто не скажет, что для единственной дочери я сделал мало. Хвала Всевидящему, если о тебе все забудут. Или, Аглая, ты была больше чем просто женой государственного преступника?

— Кто-то из нас двоих, — сказала я, подбирая под себя ноги и поворачиваясь спиной к огню, лицом к господину, — сошел с ума. Я не замечала за собой проблем с психикой.

Господин наклонился вперед, словно меня не слышал. Мне показалось, он уставился на мои ноги в темных тонких чулках, которые неблагонравно торчали из-под юбки.

— Над головой твоего мужа сломают шпагу, — пророчил он, — лишат его всех прав состояния. Его закуют в кандалы и отошлют прочь, невзирая за прошлые перед императором заслуги. Пытаться устроить переворот, замысливать убийство его императорского величества? О чем ты думала, когда умоляла меня устроить брак с этим полковником? — В его голосе мелькнула жалость. С такой же интонацией мой директор по персоналу увольнял за пьянство одного из отличнейших мастеров — какие руки и какая дурная башка. — Дочь графа фон Зейдлица — жена цареубийцы. Возможно, ты была с ним заодно? Пошла вон.

Я неторопливо поднялась. Мне стоило все обдумать. «Вон» еще не значило из этого дома, из тепла, а господин мало на что был способен, кроме как поплевывать на меня ядом.

Пока я медленно шла к двери, мужчина — граф фон

Зейдлиц? Вероятно, — провожал меня тяжелым, ощутимым взглядом. Мог бы, наверное, воткнул мне в спину нож. Я опять посмотрела на свои руки — нет, твое сиятельство, ты слегка ошибся в расчетах. Этих колец мне хватит на то, чтобы уехать туда, где хотя бы не так адски холодно.

Жаль, что нет капрала. Юлия Гуревич дважды была замужем — два брака, два расчета, третий раз не планировала, ну что же, иногда брак — лучший выход из всех возможных.

Я закрыла за собой дверь. Заметив меня, вытянулся хлыщеватый молодой парень. Лоб его был наморщен — не мог решить, пасть ниц или так обойдется моя милость. Я мазнула по парню взглядом, меня больше интересовало, где в этом доме моя комната и есть ли она, таковая, здесь.

Я — что я о себе знаю? Жена государственного преступника, но могу перестать быть женой и остаться здесь, в этом городе, насквозь замороженном. Я графиня, как минимум по рождению, но, судя по всему, титул сохранился. Значит, могли сохраниться и связи. И еще у меня есть отец, который очень переживает за собственный зад и кресло. Он в таком случае повлиял на то, чтобы моего мужа не казнили, или кто-то иной подсуетился, или все было в рамках закона и императорской воли?

Я не спеша дошла до следующей комнаты. Роскошь и вместе с тем что-то безвкусное и неудобное во всей обстановке. Слишком много украшений, лепнины, драпировок, много мебели, ваз, статуэток. Излишества, сформулировала я,

ощущение тесноты и...

И да, мое платье, о которое я запнулась в очередной раз. Мокрое, грязное, весь подол был безнадежно изгажен. С другой стороны, я была бы не против рухнуть на пол и специально сшибить пару гипсовых белоглазых харь.

— Идите к себе, ваше сиятельство, — услышала я негромкий сочувствующий голос. Я обернулась — говоривший был стар, высок и по одежде похож на священника или монаха. Пока я раздумывала, что бы спросить, монах, подметая полами рясы вылизанный пол, скрылся.

У меня здесь имеется угол, подумала я. Где он? Безнадежно я осмотрела огромный зал, наверное, балльный, расписанный от пола до потолка пасторальными сценками в лепных рамках, насчитала в разных углах три кабинетных рояля, зашла в домовую церковь — совершенно не похожую на те, что я видела, просто скромное помещение, драпированное от и до, золотой круг на возвышении и позади него — статуя молодого мужчины, закрывшего кончиками пальцев глаза. Местное божество по телосложению напоминало греческого или римского полубога, уставшего от увиденного на земле. В золотом круге горел огонь — нет, сам золотой круг горел, будто через него собирался прыгать несчастный тигр. Я протянула руку — обожгусь, и черт с ним, но огонь был холодный.

Магия? Ритуал?

На левой драпировке были богомольные сцены, на правой

— надпись «Всевидящий да хранит эти земли» и изображение множества островов. Где-то посреди бескрайнего океана россыпь крупных и мелких бусин с севера на юг. Где я? Возможно, на этом острове, украшенном короной. И путь на север отсюда столь же далек, как путь на юг.

Сколько же мне будет стоять моя свобода? Хватит ли денег?

— Аглая Платоновна, ваше сиятельство!

Недовольный голос моей надсмотрщицы я узнала сразу и даже обрадовалась. По крайней мере, мои блуждания по этому дому кончились.

— Прикажи ужин подать, — бросила я, подобрав слова. Это же не богохульство — говорить о еде, находясь в святилище? — Надеюсь, накормить меня его сиятельство не сочтет государственной изменой?

Женщина посторонилась, пропуская меня. Я уверенно прошла через зал к приоткрытой двери и очутилась в чьем-то кабинете, где не горела ни одна свеча. Темнота меня остановила.

— Что вам надобно тут, ваше сиятельство? — женщина повела свечой в моем направлении, но заходить следом за мной не стала. — Идите к себе, насчет ужина я скажу.

Я помнила, что она не стеснялась применять ко мне силу, и сейчас лучшим вариантом было позволить ей оттащить меня от бюро, в которое я, пользуясь отблеском свечи, уже похозяйски залезла, и водворить в нужную комнату. Но жен-

щина поступила иначе: поставила свечу, подошла ко мне, вырвала у меня из рук какие-то записи, сунула их в бюро и проговорила:

— Идите к себе, ваше сиятельство. Пока его сиятельство меня на задний двор не отослал.

Я сдалась. Провокация не получилась. Надо было пытаться прикарманить что посущественней бумаг.

— Куда идти?

— Ох, блажная, — покачала женщина головой и вывела меня прочь. Я отметила, что в кабинет стоит вернуться. Что-то ведь она делала там, где ей тоже было не место, потому что когда я проходила мимо, дверь кабинета была закрыта, я помнила.

Мои покои оказалась рядом — через пару комнат. Женщина затолкала меня туда, захлопнула за мной дверь, и я ожидала, что в замке провернется ключ, но нет, она крикнула кому-то насчет ужина и зашла за мной.

Пока я — Аглая Дитрих, графиня Аглая Дитрих, — наблюдала за казнью, кто-то, и это вряд ли была моя конвоирша, начал готовить меня к отъезду. Все было предрешено заранее. От меня решили избавиться в тот момент, когда заговор раскрыли и моего мужа арестовали.

Здесь я жила, наверное, до замужества. Комната — большая, с высокими потолками, окна занавешены светлыми шторами до самого пола, девичья кровать, покрытая белым покрывалом, как саваном, бюро, почти такое же, как то, в

которое в залезла, круглый стол, стулья, огромный кожаный сундук-чемодан, и повсюду валяются платья.

— Холодно, — заметила я, оглядываясь. — Прикажи принести что-нибудь, чтобы согреться. Или пусть затопят камин?

В комнате его не было и в помине.

— Угли разве, — пожалала плечами женщина. — Да и не холодно, ваше сиятельство, ранняя осень.

Ранняя осень? У меня волосы зашевелились. Если это осень, что будет зимой? Если сентябрь здесь свирепее, чем привычный мне январь, что ждет меня на северных островах?

К черту, подумала я, разглядывая красивую, но холодную и неудобную одежду. Я даже не стану ждать. Соберу все, что есть у меня из украшений, переоденусь так, чтобы не околеть, и сегодня же ночью уеду. Кто бы ни была эта графиня, вероятно, юная влюбленная дурочка, я не собираюсь ни уходить с дороги отца прямиком на тот свет, ни дохнуть как пропойца в сугробе.

Женщина подошла, начала разбирать одежду. Я стянула с пальцев перстни, перчатки, положила все на бюро. Платья, платья... тоже немало стоят, но у меня нет времени их продавать, и тащить с собой бесполезное барахло нет никакого желания. Вон в той шкатулке наверняка есть еще побрякушки. Дом богатый, граф влиятелен, непохоже, чтобы здесь все было сотни раз перезаложено.

— Стой, — бросила я. — Оставь это все. Скажи, где теплая одежда?

Женщина выпрямилась. В комнате стоял полумрак — неприятный, какой-то дрожащий, но я рассмотрела на ее лице и морщины, и шрамы как от ожогов.

— Теплая, ваше сиятельство? — не поняла она. — Шубу разве вам принести? Так не зима же.

Шуба, шуба... Завернуться если в нее и сидеть в ожидании то ли чудес, то ли смерти. Неудобная, тяжелая вещь. А еще недавно была мечтой сотен тысяч женщин.

— Теплые платья. Закрытые полностью, как твое. Шерстяные... панталоны, что-нибудь, — сказала я. — Не эти бесполезные кружева, — я ткнула пальцем в ворох шелков и бархата.

— Вы же не баба, ваше сиятельство. Откуда у вас такое?

— Отлично. У тебя это все есть? Неси и можешь забрать себе эти тряпки. Ты выгодно их продашь.

Она бросила на кровать воздушное платье, покачала головой, пошла было к двери, но остановилась и обернулась.

— Что вы задумали, ваше сиятельство?

— Не твое дело, — оборвала я. — Ничего не задумала, отец отсылает меня вслед за мужем. Не хочу умереть от холода, вот и все.

— Бежать решили? — с ухмылкой выдохнула она, и я насмешливо скривилась. Она знала графиню намного лучше, чем я хоть кого в этом мире, а у этой женщины я даже имя

не могла напрямую спросить. — Дело доброе, Аглая Платоновна, — неожиданно тихо согласилась она. — Ни к чему вам гибнуть в том краю. Не вас его императорское величество отправил на смерть. Только не выйдет у вас и я вам не помогу. Без паспорта вы далеко не уедете, а на корабль не сядете так тем паче...

— Так принеси паспорт, — ровно ответила я, изо всех сил сдерживая радость от неожиданной поддержки. — Я заплачу тебе, хорошо заплачу.

— Вам паспорт только его сиятельство испросить может, — женщина нахмурилась, — или ваш муж. Но у него, пока он просить что-то может, осталось всего несколько часов. После казни он уже ничего вам не даст. Лишенный прав состояния разве что не господский человек, а в остальном...

Я вспомнила слова отца. Моего мужа лишат всех прав состояния — и это значит, что он потеряет часть гражданских свобод или как это правильно называется, а я перейду под опеку отца, останусь я в браке или приму ту милость от местной церкви. Или тоже есть нюансы?..

— Сколько будут делать мой паспорт? — Женщина непонимающе наклонила голову. — Дура. Сколько времени нужно, чтобы я получила паспорт?

— Не знаю, Аглая Платоновна. Мы люди господские, нам паспорта не положены.

Она еще и крепостная. Казни, заговоры, ссылки, люди-вещи. И я практически вещь с бессмысленным титулом. Кто

считает эти века прекрасно-утраченными? Из-за этих вот поганных шелковых тряпок?

— Неси мне свою теплую одежду, — скомандовала я. —
Смотри не попадись никому с ней. Поужинаем и отправимся
в тюрьму.

Господи, глупо, как в средневековом любовном романе. И
смешно, как в итальянской комедии — сперва поесть.

Глава 3

Женщина ушла, оставив меня в одиночестве. Я несколько секунд постояла в трепещущей полутьме и решительно протянула руку к шкатулке.

Я оказалась права: мятежная графиня Аглая Дитрих, была она любимицей отца или нет, по крайней мере, не дрожала над каждой копеейкой. Я насчитала с дюжину колец, несколько браслетов, множество заколок, серег, все это из золота, с драгоценными камнями, и, насколько я понимала, это были цацки «на каждый день». Дурочка жила богато, тепло и сыто и как-то нелепо своротила свою жизнь ко всем чертям из-за неверного выбора.

Я была не наивна и не глупа, чтобы считать, что отец Аглаи — мой отец — на дочь обижен как ревнивая подружка. Нет, в его желании избавиться от меня был расчет, и я подозревала, что обоснованный. Где-то и когда-то эта сверкающая серая пташка что-то сделала или сказала, и вот результат.

«Дочь графа фон Зейдлица — жена цареубийцы. Возможно, ты была с ним заодно?» Очень и очень возможно. Граф фон Зейдлиц не мог не знать о паспорте и о том, что без него я никуда не уеду, и он не заикнулся о документе, зато спросил, есть ли кто-то в меня влюбленный, и плевать, какие у него эполеты и регалии.

Паспорт мой отец рассчитывал вручить только моему новому мужу. Чтобы не видеть меня больше никогда.

Я открыла ящик бюро, надеясь что-то там обнаружить — мешочек или кисет, что тут в ходу у аристократок? Но графиня Дитрих не курила, зато мешочек я сразу нашла — с какими-то солями, пахнувшими лавандой и перцем, маленький, но для колец и серег его было достаточно. Я вытряхнула соли прямо в ящик и тут же расчихалась от запаха, из глаз брызнули слезы, но медлить было некогда, и я покидала в мешок драгоценную мелочь, а все, что крупнее — браслеты, цепочки, какие-то броши — связала в узелок из обнаруженного среди платьев шелкового платка.

В шкатулке осталась одна-единственная крупная вещь, и я не знала, что мне с ней делать. Она озадачила меня: браслет, дутый, похожий на подделки, которые впаривали туристам в Египте и Турции, из слишком светлого золота, да и золота ли, и в нем недоставало огромного камня. Куда он делся? Если камень драгоценный, то такого размера он должен стоять очень немало, на что Аглая потратила вырученные от продажи деньги? На заговор? Заговоры на одной идее не держатся. Подозрения графа верны?

Я не услышала, как вернулась моя... — кто? Надсмотрщица? Служанка?

— И не просите, даже не думайте, — услышала я внезапно и обругала себя последними словами. Если бы в комнату зашел кто-то другой? — Ваше сиятельство, просто не ду-

майте, погубите себя и меня.

Я обернулась. Женщина держала в руках ворох платьев, к моему облегчению, на вид действительно теплых, и смотрела на меня очень испуганно.

— Брось это туда, и где ужин? — отрывисто спросила я. Узнать у нее, где камень и с чем связаны ее слова? — Сколько этот браслет может стоять, как думаешь?

Она вздохнула. Я задала ей одновременно слишком много вопросов и задач, но послушаться меня она опасалась. Она покачала головой, положила платья так, чтобы их не смогли заметить те, кто принесет ужин, — с другой стороны моей кровати, ближе к окну, протянула руку, я в ответ протянула браслет, но она не взяла.

— Ничего он не стоит, ваше сиятельство. Золото как золото, еще и беленое, чтобы силу держать в узде. Кто купит такую вещь, разве что на черных дворах, но и дадут там мало. Оставьте его, — посоветовала она, не догадываясь, что запутала меня еще больше. — И это, — она указала на собранные побрякушки, — спрячьте, не ровен час, увидят.

Я согласилась и кинула узелок и мешочек в бюро, а браслет вернула на место. В шкатулке оставались несколько тонких цепочек — слишком тонких, чтобы их вообще принимать во внимание. Я подошла к кровати и начала разбирать платья, юбки, панталоны и верхние кофты-куртки, почти как моя, но грубее, плотнее и однозначно теплее.

Я сознавала, что ради меня эта женщина идет на огром-

ные жертвы. Вполне вероятно, она оставалась при графском доме лишь потому, что здесь была я — обитала где-то в шаговой доступности, и моя служанка могла мне потребоваться в любую минуту. Теперь меня вышибут вон, и она тоже лишится теплого места и вряд ли сможет купить себе новые теплые вещи. Впрочем, они не были новыми, их носили часто и много и редко стирали, они пропахли застарелым тяжким потом и сладкими дешевыми духами, они были мне велики, но велико не мало и можно надеть одно под другое.

— Не берите это, ваше сиятельство, — женщина склонилась надо мной. — Грубая шерсть, вы изранитесь. И большая она вам.

Я отложила в сторону рубашку, больше всего похожую на обычный лонгслив, только вязаный, такие же панталоны длиной ниже колен, а мне они как раз будут по щиколотку, длинные гетры — моя спасительница едва не завывала.

— Что? — удивилась я.

— Да как же возможно, — она опять приложила пальцы к векам, — вы же барыня! Вы же графиня, Аглая Платоновна! А это бабье исподнее!

— Зато теплое, — отрезала я, с содроганием вспомнив, как чуть не умерла от холода на улице. — В шкатулке остались цепочки, возьми себе как плату. А это все я забираю. И платья мои тоже возьми.

Я подняла голову. Женщина смотрела на меня обиженно, и я пожала плечами. У нее товар, я купец, у меня нет времени

заниматься чужими задетыми чувствами. Но я ошиблась — причина ее обиды была не в эмоциях.

— Не могу, ваше сиятельство. Ежели кто опознает вашу вещь, меня запорят до смерти. Воля ваша и все это ваше, но ничего не возьму. Всевидящий вам судья.

Ах ты дрянь, еще и виноватой меня выставляешь!

— Ужин где? — рывкнула я и тут же пожалела о своей вспышке. Эта женщина не причастна к тому, что со мной произошло.

Но откуда я это знаю? Слишком рано мне раздавать индальгенции. Я будто смотрю интригующий фильм не с начала, только вот разобраться в сюжетных хитросплетениях необходимо мне еще до того, как кто-то решит, что этому персонажу пора проваливать из проекта. На плаху или на виселицу.

— Готовят, ваше сиятельство, — ответила она, ничуть не смутившись. — Так вы ужинаете под полночь, так пока все будет сделано...

Я поняла, что мне не суждено поесть перед тем, как вылезать на холод, и жестом подозвала женщину к себе.

— Помоги мне переодеться.

Неудивительно, что я так мерзла. Моя курточка была шелковой, отороченной мехом и на подкладке, но тонкой настолько, что я никогда не надела бы ее даже при пятнадцати градусах летом или поздней весной. Из какой ткани пошили платье, я не поняла, или атлас, или такой вид бархата, но

юбка была тяжелая, и я не постеснялась, наклонилась узнать почему. В подол зашили камешки... Я вздохнула и выругалась про себя. Под платьем были тонкая шелковая рубашка и корсет.

— Снимай это, — приказала я, наконец осознав, что на меня давило все это время, и задав себе новый, не самый приятный вопрос. Тело графини Дитрих оказалось к корсету привычным, но если так мерзла я, Юлия Гуревич, а я прекрасно знала за собой эту особенность, и в то же время за исключением неловкой ходьбы в длинной юбке я не испытывала неудобств, в том числе и из-за корсета, значит ли это, что Аглая Дитрих так же страдала от холода и, видимо, просто молчала? Или она была приучена к холоду и мое тело — не вполне ее тело, и где заканчивается одно и начинается другое?

— Как снимать? — ахнула женщина.

— Просто!

Речь графини Дитрих изменилась, подумала я. И манеры, и мысли. Кто-то это заметит и спишет на заговор, его раскрытие, суд, казнь и ссылку. Если я... нет, невозможно допустить, что кому-то придет в голову заподозрить, что в теле Аглаи Дитрих другой человек. Насколько я знала, во все времена с такими идеями люди могли попасть только к душеведу, и помогай Всевидящий тому, кто окажется не в моем милосердном двадцать первом веке.

Фигура у графини была девичья, юная, с тонкой талией и

широкими бедрами, и, что меня приятно удивило, у нее была пышная грудь. Я прислушалась к ощущениям, по опыту клиенток отлично зная, что большая грудь — это не только эффектно, но и тяжело, но тело Аглаи Дитрих к этому весу привыкло. Если в какой-то момент тело и восприятие Юлии Гуревич начнут одерживать верх, мне придется несладко. Потом меня кольнула мысль — Аглая замужняя. Может ли быть, что она уже в положении и не знает об этом? Или знает, но никто не в курсе, кроме нее?..

Вне зависимости от сроков мне придется рожать, потому что альтернатива — бабка со спицей, и умереть от ее умений шансы выше, чем от родов. И лучше рожать подальше отсюда, где тепло, сытно и безопасно. Чем скорее я доберусь до юга, тем... что? Я загадываю так далеко, не стоит ли сначала узнать, что со мной происходит, не с Аглаей, а с Юлией, и есть ли возможность снова вернуться в свое тело, пусть покалеченное, изуродованное, но свое?

На меня надели холщовую рубаху, сверху вязаный лонгслив, помогли натянуть панталоны и гетры. Все было мне велико, лонгслив закрывал бедра, рукава пришлось подворачивать, но меня лишь радовало, что увеличивается количество слоев. Панталоны женщина затянула веревкой на талии — предусмотрительно, хмыкнула я. Одежду здесь берегли и не избавлялись, чуть похудев или поправившись. Затем на мне оказалась длинная грубая юбка, и на мое счастье, прислуга носила юбки до середины голени, так что я, хоть и мела

подолом пол, все же могла передвигаться.

— Подошьешь остальное, — велела я, пока женщина надевала на меня не то кофту, не то куртку. Она кивнула. Обувь мне досталась только моя — все те же изляпанные кожаные сапожки. Нога у моей помощницы была размеров на пять больше.

Женщина протянула мне накидку с капюшоном — тоже грубую, из плохо выделанной кожи, но она не промокала, в отличие от шелков, и не продувалась, как моя курточка. Затем она проворно запихала под одеяло ворох платьев и остатки своей одежды, придала этому кулю очень правдоподобную форму лежащего человека, лишнее побросала в сундук. Нет, она определенно делала это не впервые!

— Ловко у тебя получается, — заметила я, силясь прогнать из головы очень скверные мысли.

— Не забыла я, как вас, Аглая Платоновна, от его сиятельства прятала, пока вы к господину Дитриху бегали, — самодовольно отозвалась женщина. Я мысленно застонала и закусила губу.

Все же любовь, и, видимо, любовь сильная. Так может любить только молоденькая девчонка, у которой из всех трагедий — платье не самого модного цвета в этом сезоне. И если брак Аглаи был по любви, стало быть, отец пошел ей навстречу, не настаивая на более выгодной партии, не пользуясь влиянием, чтобы навсегда отослать из столицы неугодного жениха.

— Почему отец прогоняет меня? — вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык. Что это — гормоны Аглаи? Давно не виделись, подростковые истерики, которые у многих с возрастом не проходят, становясь образом жизни. — Он же любит меня!

Последнее прозвучало театрально, но женщина поверила.

— А то не догадываетесь, ваше сиятельство? — с грустным смешком ответила она, еще раз оглядела кровать, на которой явно кто-то лежал, кивнула довольно и отошла к моей шкатулке. Оттуда она выудила несколько оставшихся там цепочек, критически осмотрела их, покачала головой и сунула в карман. Я решила, что она смирилась и взяла плату за вещи и молчание, потому что цепочки сложно опознать, в отличие от колец и браслетов. — Если чего не дать, нас к вашему мужу не пустят, — негромко пояснила она, — а денег у вас, ваше сиятельство, нет.

Она меня добила этой новостью. Без паспорта, без денег. И я еще размышляла, какие могли остаться у графини Дитрих связи — ее окружали такие же богатые бесправные курочки. А сейчас никто не пустит на порог бывшую подружку по великосветскому салону. Преступники никому не друзья.

— Нет, не догадываюсь, — покачала я головой, возвращая женщину к разговору о моем отце и моей тяжелой доле. Значит, Аглая замешана в заговоре и уцелела потому, что отец каким-то образом отвел от нее внимание следствия? И теперь ссылка — лучшее, что он может мне дать, пока кто-

то не сообразил, что прошел мимо очень важной фигуры, что пора хватать титулованную дуреху, палач уже наточил топор?..

Женщина выпрямилась. Она нависала надо мной, мне это не нравилось, но у меня не было никакого выбора союзников там, где я не знаю и имени единственного человека, готового мне помогать. Возможно, не без выгоды для себя, а может, и рассчитывая на мою гибель.

Никому, никому нельзя доверять.

— Его сиятельство намерен жениться на фрейлине княгине Дивеевой, — вполголоса ответила она, хмурясь, потому что это был факт, который я должна была знать. — Как, ваше сиятельство, одобрит его величество брак, если вы останетесь в этом доме? Вы — жена заговорщика, Аглая Платоновна.

Я в очередной раз снесла оплеуху. Да, это клеймо, от которого мне, наверное, уже не избавиться.

— Но я жила здесь какое-то время, пока длилось следствие, — возразила я со всей уверенностью, на которую оказалась способна. Это только предположение, основанное на том, что в доме полно моих вещей и комната кажется обжитой, но я легко могла ошибиться.

— Но и господина полковника арестовали последним, — она оглядела меня, вздохнула, неохотно пошла к двери. — Погодите, скажу, как выходить можно.

Я сильнее, с головой, закуталась в накидку. Нам нужно

добраться до тюрьмы, здесь должны быть извозчики. Чем я им буду платить? Цепочкой? Стоит вытащить что-то из собранных мной драгоценностей? Я подняла руку к уху и обнаружила, что есть чем расплатиться, если извозчики или тюремщики возьмут те аккуратные серьги, что на мне.

— Давайте, Аглая Платоновна, быстро, к черному ходу, который за холопскими комнатами, — скомандовала женщина. Я решительно зашагала вперед, рассчитывая, что она остановит меня, если я сверну не туда, но, очевидно, пошла я правильно. По наитию, а может, по памяти тела этой Аглаи я пробежала по залу, по следующему, открыла дверь, выскочила на лестницу и услышала скрипучий мужской голос:

— Кого привела, Наталья? Скажу его сиятельству!

— Служка это, Стефан Казимирович, требы собирает, ее сиятельство приказала провести ее, отдала молитвенный лист! Мыслимо, что ее ждет, голубушку нашу? Только милостью Всевидящего жива будет!

Ответ Натальи неизвестного мне Стефана Казимировича удовлетворил, я постаралась запомнить все, что она сказала. Церковь, подумала я, церковь во все времена была прибежищем сирых, может, стоит подумать о монашестве, если не удастся сбежать или попытка провалится на каком-то этапе? Даже на дальних южных островах, где солнце, наверное, сжигает неверных, я смогу найти представителей местной религии. Если тут есть монахини, если служка — это не жена священника или другого клирика, если... столько «ес-

ли». Но, может быть, это все для меня очень скоро закончится.

«А если нет?» — прозвучало в голове каким-то чужим голосом. Если нет, если мне придется жить здесь и сейчас, в теле девчонки, которая так ошиблась? Попытаться поговорить с отцом?..

— Пойдем, пойдем, — Наталья нагнала меня, начала подталкивать в спину. — Не споткнитесь, темновато тут. Вот так, еще, и вниз, вниз, а там пройдем проулками и на площади извозчика найдем.

Я наконец спустилась с лестницы, которая казалась мне бесконечной. Я вообще не помнила, чтобы я поднималась по ней, но мне тогда было настолько погано, что сейчас я не сочла, что здесь искривление времени и пространства. Нужно быть очень внимательной, ловить каждое слово, следить за тем, что сама говорю.

Или нужно, наоборот, спровоцировать? Спровоцировать отца? На что — на то, что не так страшно как ссылка, на монастырь?

— Идем, идем, — подпихнула меня Наталья и, проскочив вперед, приоткрыла дверь. Меня ждала улица...

Пока фигурально. Лицо мое моментально схватило холодом, из глаз полились слезы. Давно стемнело, редкие фонари пятнами растекались над головой, доносились крики, ругань, перестук копыт, женский смех — судя по его игривости, черный ход графского дома соседствовал с местным борделем.

Но, несмотря на то, что настала ночь и резко похолодало, мне не было так убийственно холодно, как там, на месте казни, и после. Неудобная одежда терла тело, спина чесалась, но это были ничтожные пустяки по сравнению с муками, которые я перенесла, разгуливая в изящном платье из шелка и рыбьего меха.

Мужчина захохотал прямо у меня над ухом, я дернулась, но Наталья продолжала тащить меня вперед. Я сообразила, что смех шел из открытого окна. На улице мы так никого и не увидели.

Как и обещала Наталья, мы вышли на небольшую площадь, где сидели на козлах, пуская облака пара, извозчики и лошади мирно жевали сено. Наталья пошла впереди, негромко спрашивая, не довезет ли кто бабу до городской тюрьмы.

— Золотой, — буркнул извозчик. Он был настолько за-
вернут в шубу, что торчала одна борода.

— Больно дорого просишь, батюшка, — Наталья притворилась обиженной. — Откуда у нас золотой, сказал бы медяк. Медяк вон дам. За что золотой-то?

Извозчик отмахнулся. Может быть, ему была невыгодна эта поездка — ничем не отличается от такси, усмехнулась я. Наталья схватила меня за руку и повела прочь, и к нам подлетел тощий вихрастый парень, одетый совершенно не по погоде — в расстегнутом ношеном сюртучке и поеденном молью шарфе. Глазки у парнишки загадочно бегали.

— Идем, идем, барыни, я вас сведу, вас провезут, куда

скажете, — зашепелявил он. Наталья остановилась, к моему недовольству, потому что я не люблю людей, возникающих ниоткуда с готовым решением всех проблем, и тут очнулся сквалыга-извозчик.

— А ну пшел! — рывкнул он и замахнулся на парнишку кнутом. — Серебряк дайте, — сказал он нам, — за серебряк отвезу.

— Смотри, дядь Микит, — пригрозил парень, успевший отскочить в сторону, и так же неизвестно куда исчез.

— Медяки есть, — начала торговаться Наталья. — Сам подумай, батюшка, откуда у нас серебряк? Два медяка, а больше нету.

— Значит, не очень надо, — буркнул Микита.

Я зашипела, но вступать в разговор поостереглась. По виду я была баба бабой, но по речи могли узнать барыню, и в лучшем случае ценник увеличился бы в два раза. Наталья была человеком опытным, она сграбастала меня и закинула на высокую, набитую сеном телегу. Лошадь, которая до того безразлично жевала сено, фыркнула и отошла. Капюшон с меня слетел, и я торопливо натянула его обратно на голову.

— Давай, батюшка, давай, — Наталья ловко взобралась следом за мной и похлопала Микиту по плечу. — Всевидящий за добро добром платит.

— Пока он моих детей что-то не кормит, — огрызнулся Микита, но поехал. Я оценила и странный бартер среди извозчиков — лошадь ест сено из чужой телеги, и разброс цен,

который не шел ни в какое сравнение с ценами на услуги таксистов, и подозрительного паренька, неизвестно что замышлявшего, — оценила и тут же забыла об этом.

Паспорт. Мне нужен паспорт. Мой муж, пока он еще юридически может сделать подобное распоряжение, должен согласиться отдать мне паспорт. Дальше — я воспользуюсь правом на развод, для этого мне понадобится церковь, затем мне нужно сесть на корабль и отправиться подальше на юг. Я начну новую жизнь...

Я умею. Я все еще стилист — куафер, я даже умею шить, пусть не профессионально, но имею понятие и о выкройках, и о том, как одежда должна сидеть. Вряд ли здесь в чести макияж и точно нет средств, с помощью которых можно любую престарелую крокодилицу превратить в первую красавицу этого мира, но я справлюсь. Я выживу, главное — убежать от каторги. Убежать от ссылки, потому что это убьет меня. Дух силен, но сколько выдержит тело?

Мы ехали по темному городу, и запах соли преследовал меня по пути. Я слышала, как волнуется море — бьется громко, тревожно, раскатисто, и подумала, что, может быть, начнется шторм и я выгадаю немного времени. Ржали где-то вдалеке лошади, мы проехали еще одну площадь с извозчиками, а потом отказались на побережье.

Остров был холмистый. Море грозно шумело под нами, я не видела его; дорога была очень узкой, здесь едва ли могли разъехаться две телеги. Сидеть было холоднее, чем ид-

ти, и ветер на берегу не стеснялся, но меня не продувало под накидкой, разве уши и лицо начали коченеть. Я не решилась спросить, долго ли ехать, и смотрела наверх — туда, где остался город, возможно, столица. Каменная, серая, мрачная, безысходная, с редкими вкраплениями огоньков.

Я оказалась в очень негостеприимном месте. То, что ждало меня впереди, выглядело еще менее хлебосольно.

Телега начала подниматься, потом остановилась.

— Ну? — исчерпывающе бросил Микита. — Платите и проваливайтесь.

— Батюшка, подожди, — заюлила Наталья. — Нам же еще обратно ехать.

— Золотой.

Я понимала, что торг бесполезен для обеих сторон. Наталья денег не даст, есть они у нее или нет, а Микита или уедет ни с чем, или хоть что-то, но заработает. Что они устроят свару под стенами тюрьмы, я сомневалась.

Когда-то здесь был замок... Потечи соли покрывали старинные стены и были сияюще-белыми от отблесков единственного фонаря. Высокие башни, на вид неприступные, каменные бесконечные стены и тишина, если не считать шума моря. Наталья вынула что-то из кармана, я сползла с телеги, я все равно не знала, как торговаться, и пошла к башне с мерцающим фонарем.

Наталья догнала меня и сказала:

— Я с вами, ваше сиятельство, не пойду. Как выйдете, во-

он туда идите, я вас с Микитой ждать буду.

— Дай цепочки, — я протянула руку, — мне нужно заплатить страже.

— То я сама с ними обговорю, — мотнув головой, пообещала она. Я не поверила. Стража в тюрьме — не извозчик. — Не вздумайте сказать никому, что вы графиня Дитрих, изволит господин оставить вас при себе — не выберетесь отсюда.

Глава 4

Оставив меня в полном замешательстве, Наталья широким гренадерским шагом направилась — нет, не к башне, как ожидала я, а в темноту, вдоль стены. Пока я пыталась осмыслить, что авантюра, в которую я ввязалась, может мне обойтись дороже, чем ссылка, Наталья обернулась и властно поманила меня рукой.

— Молчите, ваше сиятельство, пока не увидите господина. Я сама все улажу. Только молчите и кивайте, будто немая.

Меня подмывало спросить, откуда у нее такая уверенность. Она точно знала, куда идти, городская тюрьма была ей не в новинку. Если она была здесь в качестве узницы, как потом оказалась при графской дочери? Кто-то из ее родных был заключенным? То, что Наталья не скрывала своей осведомленности, останавливало меня от того, чтобы спросить ее прямо. Аглая должна была это знать.

— Вон, Аглая Платоновна, окошко видите? — Я послушно задрала голову, но различила только глухую стену. — Вон там мой дядька и сидел. Матушка ваша, даруй ей Всевидящий все блага на том свете, добрая была. Мы с матушкой моей покойной все сюда ходили... пока нас вместе с графиней в тяжести не отослали на юг.

— За что он сюда попал? — я потеряла рукой лицо: начинала сказываться усталость, шум моря неприятно мешал

мысли, соль разъедала глаза. — И что с ним стало?

— Помер, — равнодушно откликнулась Наталья. — Захворал да помер. А попал, так известно за что, за то, что спьяну конюшню поджег. Идите сюда, сюда, осторожно, приступочка.

Она вовремя меня предупредила: я запнулась о камень и едва не упала. Наталья подхватила меня, помогла удержаться на ногах. Жестом она велела мне остановиться, сама подошла ближе к еле заметной двери в стене и постучала. Никакого ответа не было.

— Ну, теперь ждать, — объявила Наталья, — слушать, как мимо стража пойдет. Сейчас нет никого.

— Долго ждать?

— Да как получится, — с простодушием простолюдина отозвалась она, и я лишь усмехнулась в сторону. Ни один самый изысканный аристократ не способен так изворачиваться, как крестьянин или небогатый мещанин, это у них вложено в подкорке, это инстинкт выживания там, где прав всегда тот, кто знатнее и богаче.

Я опасалась, что начну мерзнуть. Стоять на ветру было невыносимо, и дожидаться, когда я снова начну сползать по стене безжизненной тряпочкой, мечтающей либо оказаться в тепле, либо немедленно умереть, я не стала. Возможно, приседания и бег на месте трусой в исполнении графини повергли Наталью в ужас, но также могло быть, что она видела и не такое.

— Вы бы встали смирно, Аглая Платоновна. Так не ровен час, нас тут заметят. А рано еще.

Пришлось покориться и пропустить ее загадочные слова мимо ушей. Паспорт, думала я, мне нужен паспорт. Это моя свобода, это мое будущее, или я сейчас переживу холод, возможно, унижения, стерплю все, потому что люди вокруг меня сильнее, и потом смогу вздохнуть свободно, или моя жизнь перестанет быть похожей на жизнь...

Наталья, видимо, уловила чьи-то шаги, потому что метнулась к двери, застучала по дереву просительно и дробно, дверь приоткрылась, я различила мужской недовольный голос, Наталья говорила что-то негромко, потом полезла в карман, вытащила цепочки, затем махнула мне рукой.

— Вот, господин, она. Отведите ее до господина полковника, — кланяясь, попросила Наталья, и мужская рука втянула меня в темный коридор.

Стражников было несколько, они, как я поняла, совершали обход и на меня не обратили особого внимания. Тот, кто втащил меня в крепость, вопросительно посмотрел на одного из стражей, наверное, старшего, и тот кивком головы разрешил нам уйти.

Тюрьма, если отрешиться от того, что здесь происходит, и сказать себе, что это просто старая крепость, меня не пугала. Меня не пугала и собственно тюрьма, я была далека от наивных представлений, что заключенные сплошь невинные люди, оболганные, упрятанные на веки вечные в застенки свои-

ми врагами, торговыми конкурентами и политическими противниками. Я знала, что в эти времена доказательства не самые однозначные и в камерах действительно немало случайных людей, но все равно не пылала праведным гневом и животным страхом. Я боялась сама остаться здесь, и не потому, что кто-то избавился бы от меня, а потому, что это позволял закон. И в то же время мне сложно было вообразить, почему бы муж Аглаи захотел для нее такой участи.

Но я верила Наталье и тому, что ее опасения небеспочвенны, а предупреждение — не голословно.

Моему сопровождающему надоело идти в тишине.

— Что, баба, думаешь волю для байстрюка испросить? — и он, захохотав, ткнул меня пальцем в живот, не больно, но обидно, если бы я хотела обидеться. — Эй, бабы, бабы, все бар в постель тащите. Хотя, — он подумал, дернул плечом, — поди и плохо? Он сейчас тебе бумажку даст, хоть и байстрюк, а все не крепостной. Или ты мещанка?

Я помотала головой.

— Ну? Так проси для себя вольную, дура, — подсказал стражник с сочувствием. — Проси, пока он еще что-то может. Вас же, баб, всему учить надо. Тебе вольную даст, и байстрюк твой вольный будет! Головой-то соображай!

А у простого сословия, подумала я, сильнее взаимовыручка, пусть меня этот стражник видит первый раз и никогда не увидит более. В отличие от графа фон Зейдлица, который нашел самый простой путь избавиться от запятнанной доче-

ри и не терзался муками совести на этот счет.

— Жди здесь, — скомандовал стражник, впихивая меня в комнатку. Лязгнула дверь, и я осталась в абсолютной тишине безэховой камеры, во мраке, в камере...

В самой настоящей тюремной камере — кровать, крохотное зарешеченное окошко, накрытое крышкой подобие ведра, — и изящество коварства, с которым меня провели, против воли восхитило меня до пережатого отчаянием горла.

Я сама пришла в клетку. И никуда из нее уже не сбегу.

Стараясь не дать себе запаниковать, я подошла к тюремным нарам и ужаснулась тому, с каким безразличием я их так назвала. Как обстояло дело в тюрьме того времени и того мира, откуда я пришла сюда, я не знала, а репортажам не очень-то верила. Здесь... Нет, музеи ввали. Обычная деревянная кровать, крепкая, только узкая, я потрогала рукой — матрас чем-то набит, я всегда полагала, что это должно быть сено, но, вероятно, сено слишком дорогой материал, чтобы на нем спать? Нет, тут же поправила я себя, его в достатке у извозчиков. И, заинтригованная, но точнее — это мой мозг переключился от безнадежности моего положения на любопытство — я присела, задрала дерюжку, заменяющую покрывало, и принялась ощупывать матрас.

Подвернулась дырка, я тут же просунула в нее руку и убедилась, что матрас набит чьей-то шерстью. Возможно, подумала я, здесь изобилие зверей, с которых можно постоянно счесывать шерсть, и стоит она потому очень дешево. Та

же шерсть, из которой связаны вещи, те, что принесла мне Наталья? Колючая и теплая... Я зацепила клок и вытащила его наружу. Рассмотреть его в темноте мне не удавалось, на ощупь было очень похоже.

«Чтобы узники не мерзли», — сообразила я. А аристократия во все времена приносила удобство в жертву внешнему эффекту. А я, что я, у меня вдосталь времени, чтобы начать знакомство с этим миром... чем бы он ни был, с тюремной камеры.

Будь я помоложе, я порадовалась бы такому удивительному приключению.

Что-то впилося в мой палец, я зашипела и бросила клочок шерсти. Из пальца торчала заноза, я уцепила ее пальцами другой руки — остевой волос! — и выдернула. Если здесь я получу столбняк или заражение крови, я не жилец.

Я села на кровать и машинально расправила юбку. За окном в узком простенке взвыл ветер, нарушив тишину, и он теперь неизвестно сколько времени будет мне единственным собеседником. Мне должны принести поесть и, наверное, сообщить обо мне отцу, если он не сам распорядился меня сюда доставить.

Рука моя застыла на половине движения, и я бездумно уставилась на нее — на тонкие пальцы с короткими ногтями. Руки нежные, барышня их смазывала чем-то, а ногти не обработаны, только подрезаны под самый край. Длинные ногти — привилегия местных веселых дам? Нет, меня ударило

совершенно другой мыслью.

Граф фон Зейдлиц не обмолвился и словом, что отправляет меня вслед за мужем. Почему же я сделала такой вывод? Он сказал, что всех жен освободят от брачной клятвы, но я за ошибки должна заплатить. Сказал, что никто из семьи не хочет пятна, и спросил, есть ли у меня на примете кандидат, который готов взять меня в жены. Кто придется, уже не до выбора. И заметил, что даст мне денег ровно столько, чтобы я не умерла по дороге... куда? Что он имел в виду? Он не сказал, что отошлет меня вместе с мужем.

Это стресс и знакомые мне по истории аналогии. Человеческий мозг так погано устроен, что идет всегда по знакомой тропе. Я загнала себя в западню, а она взяла и захлопнулась. Граф мог подразумевать какое-то имение на юге — по словам Натальи, туда отправили мою беременную мать. Мои поспешные выводы, вызванные тем, что мне хотелось как можно больше ясности как можно скорее, оказались ошибочными. Меня уже собирали в дорогу, и не было зимних вещей, той же шубы. С другой стороны: Наталья не удивилась, когда я сказала ей, что отец намерен отправить меня вслед за мужем, наоборот, она поддержала мою мысль о побеге, она готова была мне помогать.

Или, напротив, по сговору с моим отцом упрятала меня за решетку. Обезумевшая от непонимания происходящего лисичка сама сунула лапку в капкан?.. У графа были сомнения, что я непричастна к заговору. Боже мой, если бы я что-то

знала, я бы все рассказала местным властям как на духу, но нет, вместе с юным красивым телом мне не досталось памяти.

Дверь снова лязгнула, и я резко подскочила, поворачиваясь к опасности лицом.

Я успела увидеть пропавшего в коридоре стражника, того самого, который меня сюда привел, и дверь закрылась. Я осталась один на один с каким-то мужчиной, он, застыв, некоторое время смотрел на меня, будто не веря своим глазам.

— Аглая? — с неуверенной радостью произнес он, и я поняла: это мой муж.

Глаза мои достаточно привыкли к темноте, чтобы я могла рассмотреть его и признать, что у ненормальной, с моей точки зрения, любви молоденькой Аглаи была причина. На таких статных, темноволосых, темноглазых красавцев девушки были падки во все времена. Арестантов не заставляли менять одежду, на нем все еще была форма, хотя и без эполетов, ему даже разрешали бриться, вот это непозволительно странно, мелькнуло в моей голове, а мужчина сделал ко мне несколько быстрых шагов.

— Как ты сюда прошла, в каком ты виде? — быстрым шепотом произнес он.

Я выпрямилась, сделала шаг от нар на всякий случай и изобразила нечто, похожее на смущенную улыбку.

— Мне сказали, что меня ждет беременная баба, — про-

должал мужчина. Я снова не знала имени близкого мне человека. — Какая чушь, зачем мне бабы...

Он казался искренним, но я рассмеялась. Если исключить картинку с тюрьмой, старинными платьями и офицерской формой, то эту фразу говорил, наверное, каждый второй изменник.

— Звездочка моя, — прошептал он с нежностью и притянул меня к себе, а я не знала, как реагировать. Мужчина попытался поцеловать меня, и я отвернулась, выставив между нами поднятую ладонь, и, возможно, я сейчас опять допустила ошибку: ни в интонациях, ни в словах моего мужа не было ничего враждебного. Настолько не было, что я опустила ладонь и покорно приняла его ласки. Капюшон свалился, я ощутила себя будто голой.

Главное мне стало понятно сразу: в том, что он рад меня видеть, он не лжет. Когда тебе почти пятьдесят, ты иначе оцениваешь типично мужскую реакцию при физической близости, без розового романтического флера, все же он пробыл без женщин довольно долгое время. Но поцелуй был приятен, если абстрагироваться от того, что я видела своего мужа впервые в жизни.

Я почувствовала, что меня подталкивают к постели, и это в мои планы совсем не входило.

— Мне нужен паспорт, — сказала я, глядя мужу в глаза. У меня не так много времени, а у моего мужа его катастрофически нет.

— Паспорт? — Неожиданность работает лучше, чем женские чары. — Зачем тебе паспорт, Аглая? — Он провел рукой по моей скуле, я приняла это стоически. — Тебе не нужен паспорт, чтобы ехать со мной.

Я осторожно высвободилась из объятий. Муж меня отпустил, что подсказало — он от меня чего-то ждет. Я влетела в жизнь этой маленькой семьи, и без того непростую, и собиралась ее беспощадно разрушить. Быть бесчеловечным очень легко, но не когда на тебя смотрят... с такой любовью.

На меня никто и никогда так не смотрел, и это пугало. В том, что испытывал полковник Дитрих к своей жене, были какие-то обреченность и одержимость.

А у меня не было выбора. Я не намерена заживо гнить в снегах вопреки воле, теперь уже однозначной, теперь уже моего мужа.

— Мне нужен паспорт, чтобы быть свободной от воли отца, — произнесла я, натягивая капюшон. Какого черта, господа, я не вещь, которой вы можете распоряжаться. Я в курсе, что вы иного мнения. — Я не знаю, что он задумает завтра. Я мешаю его браку с фрейлиной Дивеевой.

— Если я... — негромко, с болью проговорил мой муж. — Если я останусь жив, я увезу тебя отсюда. Неважно куда, пусть там холодно, пусть взгляд Всевидящего не падает на эти земли никогда и там обитают монстры из самой Темноты.

Я чуть отвернулась, спрятав напросившуюся гримасу. Бедная дурочка Аглая, он умеет красиво говорить. Начинаю-

щая парикмахерша Юлька с района щелкала ножницами над купившимися на гитарное брэнчание девицами с подбитым глазом. Во все времена во всех мирах нет никакой разницы в том, как начинаются самые большие беды самых обычных людей.

Полковник Дитрих взял меня за подбородок и заставил взглянуть ему в глаза, и я снова начала терять уверенность. Не потому, что мне передавались чувства тела, в котором страдал мой разум, а потому, что я, возможно, не имела права крушить надежды человека, который верил в меня.

— Ты знаешь, что я не смогу без тебя.

В его голосе была скорбь, а мне не терпелось освободиться. Несмотря на работу, которая требовала близкий контакт с людьми, я не выносила прикосновений без моего разрешения. Пришлось стиснуть зубы.

— Мы давали брачную клятву, Аглая. Верь мне, все будет хорошо. Просто верь.

Я наморщила нос. Хотелось рывкнуть, но рывкнуть я могла и на отца... наверное. Просто попробовать. Все может сработать, если попытаться, я ничего не теряю, если рискну.

Есть еще ложь во спасение.

— Завтра твоя воля не будет стоять ничего, и отец отправит меня на другой конец света, — сказала я, не отводя взгляд. Лгать, когда от этого зависит твоя жизнь, несложно. Лгать человеку, который не скрывает, что он готовит тебе, наслаждение. — Мне нужен паспорт.

— Нет. — Пальцы мужа сжались на моем лице сильнее, затем он меня отпустил. — Я не отдам тебя твоему отцу или кому-то еще, Аглая. Я знаю, зачем ты нужна отцу, и ты это прекрасно знаешь. Княгиня Дивеева — отговорка. Иди, мы увидимся завтра. Или нет, но я не хотел бы, чтобы последним твоим воспоминанием обо мне стала наша размолвка.

Я выпрямилась. Зачем я нужна отцу, я понятия не имела, но у меня оставалась в запасе карта, о которой полковник Дитрих, вероятно, пока что не знал. Святой Трон и обещание освободить жен государственных преступников от брачной клятвы. Ночью я не могла ничего предпринять, но утром вряд ли кто-то мог лишить меня права посетить церковь.

Мой муж развернулся, и, больше не глядя на меня, постучал в дверь. Меня поразило, с каким достоинством он это сделал: словно это не он, а я была тут пленницей, и это он прекращал со мной свидание.

Сигнал ждали. Один из стражников увел моего мужа, который так и не обернулся, второй, уже мне знакомый, пома- нил пальцем меня.

— Что, баба, — невесело хмыкнул он, — дал господин вольную? А?

Я помотала головой.

— То-то... Ну, будет на то воля Всевидящего, будешь и дальше жить при господах.

Он запер камеру и махнул мне рукой. Я подумала — вот он, еще один шанс, пусть Наталья приказывала мне не рас-

крывать рта.

— У него жена есть, — тихо сказала я и, так как стражник мне ничего не ответил, сперва решила, что он не расслышал мои слова из-за отдающихся в каменном коридоре шагов. — С ней что будет?

— Графиня-то? — нет, услышал и даже хохотнул, отчего меня прошиб холодок: смешок стражника не сулил этой самой графине ничего хорошего. — Богатая, молодая, красивая, с потомственным титулом, бабушка ее при императорском дворе. Что ей будет?

— Она может с ним... разойтись? Я слышала, что Святой Трон освободит всех жен от клятвы.

Стражник остановился, оглядел меня с ног до головы. Был он немолод, лицо его прорезали глубокие морщины. Может быть, я напомнила ему сестру или дочь.

— Ох, бабы, бабы. Ты бы не рассчитывала на это. Ну, может, и добьется графиня, что ее освободят от клятвы. Тебе-то что? Замуж он тебя возьмет? — Стражник снова пошел вперед. — А и возьмет, что ты, за ним поедешь? На верную смерть? Нет? То-то. А графиня, она клятая. Знает она про вашу связь?

— Что? Нет, — растерянно ответила я. Клятая? Что я еще услышу о себе?

— Так и не попадайся ей на глаза, — серьезно посоветовал стражник. — А то не выносишь байстрюка своего. Все, пошла. Эх, бабы, бабы.

Он с надсадным «хе» вытащил из двери засов и почти выпнул меня на улицу. Я споткнулась о приступку, чуть не упала, обожженная ветром, запахнула накидку и побежала туда, где ждали меня Наталья и Микита.

Мне навстречу шли люди, довольно много. Кто-то по двое, кто-то поодиночке, расстояние между ними было большое, я посторонилась и, пропуская первую пару — пожилого господина и даму в маске, озадачилась, а когда мимо меня прошла старуха в вуали, совсем одна, гордая и величественная, я сообразила. Настал час незаконных посещений заключенных, у каждого господина и госпожи, возможно, была своя Наталья, знающая все ходы.

Мужчина и явно его слуга — с нечесаной бородой — не обратили на меня никакого внимания. Молодая женщина в фривольной шляпке и короткой накидке проскочила мимо, но вдруг обернулась и схватила меня за руку.

— Ты! — выдохнула она. — Ты! Это ты во всем виновата!

Глава 5

Я вырвалась так для женщины внезапно, что она едва не потеряла равновесие, а я ненароком задела ее рукой по лицу и немедленно этим воспользовалась.

— Блажная вы, госпожа! — каркнула я хрипло, и пропи-той хрип тоже вышел не намеренно, но сработал. Я понятия не имела, кто эта дамочка, и мне абсолютно не хотелось разбираться с ней здесь и сейчас.

— Хамка уличная! Подзаборная девка! — прошипела ба-рышня, но больше кидаться на меня не осмелилась. Я, теперь уже стараясь не попадаться никому на пути, развернулась и поспешила к телеге.

У меня сомнений не было, что женщина не обозналась и узнала Аглаю Дитрих и в этом маскарадном костюме. Я даже догадывалась, в чем она могла меня обвинить, и знай я чуть больше, чем знала, я охотно вступила с ней — или с теми, кто мог принимать решения — в торг. Но пока я была в заведомо проигрышном положении: степень моей информированности близка к нулевой.

На пяточке теснились телеги. Желающих посетить заключенных было множество — в часы, когда тюремное начальство почивало, можно было передать запрещенные вещи и пройти за стены крепости тем, кто в официальное время посещения не мог. Любовницы, друзья... Но сейчас все визи-

теры прошли, и только пыхтели извозчики, я а протискивалась между телег в поисках Натальи и Микиты.

Я пришла раньше, чем они, скорее всего, планировали, и своим появлением испортила завершающие штрихи. Моя служанка и извозчик завозились под дерюгой, Наталья вылезла, охорашиваясь и отряхиваясь, лицо у нее было раскрасневшимся и довольным.

— Вот и славно, — сказала она, — вдосталь и без греха.

— Почему без греха? — простодушно удивилась я, потому что в моем понятии грех как раз присутствовал.

— За благо господина своего — то не грех, — важно кивнула Наталья и тихо добавила: — Ну? Дали что просили, ваше сиятельство?

Я помотала головой.

— Ох ты... — всплеснула руками Наталья, но я уже лезла в изрядно развороченное сено.

— Завтра поедem в церковь, — велела я. Наталья подняла меня и умостила в телегу, забралась сама. — У меня есть еще Святой Трон.

Наталья, которая укутывала меня дерюжкой, выпустила ее из рук. Я замерла, Наталья опомнилась и, качая головой и вздыхая, продолжила подтыкать под меня покрывало. Оно пахло лошадьми и почему-то воском.

Телега дернулась и поехала. Наталья пыхтела у меня над ухом, я думала — что снова не так? Клятая, тот стражник сказал — графиня клятая, что это значит? Сумасшедшая?

Когда я металась, обезумевшая от холода, после казни, кто-то так и крикнул — «Графиня Дитрих скорбна стала». С сумасшедшими нельзя развестись? Такие законы существовали, я даже застала их — бесконечно отсюда далеко. В Великобритании, если мне не изменяла память, нельзя было расторгнуть брак с душевнобольным супругом. Если здесь действует тот же закон...

Мне конец. Если мой отец не имел в виду южное имение.

Я хотела задать Наталье вопрос, но Микита, выезжая, громко ругался с другими извозчиками, лошади ржали, телеги колотились друг о друга. Наталья не услышала бы меня, и намного хуже, если бы расслышал кто-то другой. Я упорядочивала мысли и чувствовала, как холод забирается под дерюжку и мою новую одежду.

Телега выбралась, вслед Миките кто-то послал нецензурную брань, я подергала Наталью за рукав и дотянулась до ее уха.

— Почему ты не собирала мне теплую одежду? — Я начала издалека. Может быть, все же южное имение.

— Разве шубу, — уклончиво ответила она. — А так другого и нет?

Она и прежде удивилась моему вопросу. Ладно.

— Имение, в которое тебя отослали вместе с моей беременной матерью, — зашла я с другого конца. Телега ехала к городу, ночь подступала, время мое истекало, как у приговоренного. Почему — как?.. Я и была приговоренная, сама

не знаю за что. — Не слышала? Речь может идти о нем?

— Имение? — переспросила Наталья, захлопав глазами. — Где вы на свет появились? Так его ваш дядюшка покойный еще при жизни вашей матушки продал. Ваше сиятельство, — зашептала она, обжигая мне заледеневшее ухо дыханием. — Завтра чуть свет проведу вас до Тронного Двора. Будет милостив Всевидящий, сжалятся там над вами, дадут свободную грамоту и паспорт тогда дадут, молиться надо, глядишь, и выберетесь!

— Да почему мне не дадут? — обозлилась я, и Микита оглянулся на чрезмерно беспокойную бабу с неодобрением. Я не знала, что Наталья ему наплела, может, ту самую легенду про крепостную с байстрюком. Воображение у нее вряд ли было богатым.

Нервы у меня критически сдали, я это понимала. И если бы я знала, кто я, что я, почему я здесь и есть ли шанс — не на развод, не на юга, на то, что я открою глаза и увижу капельницу, мне было бы легче. Признать, что какими-то необъяснимыми наукой явлениями мой разум оказался черт знает где, я не могла, все тот же разум орал, сопротивлялся, начинал выискивать в собственных глубинах давно позабытые физику и химию... я должна была сесть и спокойно сказать себе — как и что бы ни произошло, это моя реальность, мне надо жить в ней и бороться за жизнь, и еще бы эта борьба хоть чего-нибудь стоила.

Кроме, гори оно все огнем, вот этой вот самой, как она

есть, непонятной жизни.

— Вы клятая, — спокойно, без малейшей попытки меня оскорбить, произнесла в ответ Наталья. — Святой Трон не любит клятых. Уединенные Стены для вас закрыты, а лишены вы силы или нет, да кто то знает? У клятой закона нет и для клятой закона нет, дела-то такие...

«Что значит “клятая”?» — вопрос логичный, закономерный повис у меня на языке и остался невысказанным. Я тряхнула головой, утерла выступившие от ветра слезы. Аглая не так проста, как мне казалось, в ней что-то есть, и, может, не зря граф так...

Бойтся собственной дочери?..

«Золото беленое, чтобы силу держать в узде...» — вспомнила я, а Микита остановил телегу.

— А ну слазь, — скомандовал он, не оборачиваясь. Голос его дрожал не то от гнева, не от от страха, и, возможно, он от испуга и не решался повернуть головы.. — Ты, баба порченная, мне лихо сунула. За лихо с тебя плату взял, не отмолиться теперь. Проваливайте обе, или быть вам битыми кнутом и пожженными. Вон!

Он еще не закончил обвинительную речь, а Наталья уже сволокла меня с телеги и быстро потянула за руку прочь.

Я не узнавала улицы и стены, но куда меня сейчас ни закинь, я запутаюсь, все чужое. Город однообразен, темен и сер и то поражает просторами, как на месте казни, то сжимает в узеньких переулках. Наталья так спешила, что я внутрен-

не сжалась: она не говорит ни слова, только злобно сопит и почти бегом уходит от Микиты — или другой опасности? Я, подобрав свободной рукой юбку, старалась не споткнуться и не упасть, мне стало жарко, капюшон слетел, и Наталья прямо на бегу сама его на меня натянула.

Мы остановились лишь тогда, когда вокруг появились не только стены, но и хоть какое-то освещение.

— Да чтоб тебя твари из самой Темноты куда достанут драли! — выругалась Наталья, наконец отпустив меня. Кулаком она грозила, вероятно, Миките. — Я еще скажу городовому, он тебя выпорет!

Я слушала ее и пыталась сообразить, насколько неженка Аглая способна перенести ссылку. Дыхание у меня срывалось, ноги ныли, я ударила мизинец о камень. Наверное, будь Аглая сама собой, она бы расхныкалась, я же прислонилась к стене. Меня вело, как после пары бессонных суток.

— Ты разве можешь кому-то пожаловаться? — устало спросила я.

— А то? Или раз я господская, то и безголосая? — удивилась Наталья.

— А я?

В этот вопрос я вложила все, что еще не знала. Свое проклятье и поражение в правах. Я же графиня, замужняя женщина, аристократка, не может быть так, чтобы дворянки были бесправнее крепостных?

— А вы, ваше сиятельство... — Наталья обняла меня за

плечи и повела опять куда-то, к счастью, по освещенной улице. Мы шли как две бродяжки, и я уповала на то, что какой-нибудь городской не вздумает остановить нас. — Бедная вы моя! Как же ваша матушка покойная была, когда вы появились на свет!

Я бы тоже была, если бы в этот ад привела еще и ребенка. Но я все-таки полагала, что у графини был иной повод завывать.

— Почему?

— В пеленке родиться — поди как не к добру, — всхлипнула Наталья. Как многие простые люди, она подкрепляла слова очень яркими искренними эмоциями, и это удивительно зависело от того, решала ли она какое-то дело или просто беседовала. В умении хладнокровно и хитроумно обстряпывать и улаживать я бы ей уступила даже как Юлия Гуревич. — Так-то оно и вышло, что клятая, а когда проносила вас графиня покойная в церковь через Святой Огонь, вспыхнул он, а потом и... — она махнула рукой, а затем остановилась и взяла меня за запястье, задрала рукав. Мы стояли как раз под фонарем, и что я должна была увидеть?

Я не увидела ничего, а Наталья лишь покачала головой. Как спросить, чтобы получить ответ и не вызвать никаких подозрений?

— Мне нужно в Тронный Двор, — напомнила я.

— Сходим, завтра утром и сходим, Аглая Платоновна, — пообещала Наталья, и мы снова пошли вперед. Сперва по

освещенной улице, затем свернули во дворы, но Наталья шла уже спокойно, ничего не опасаясь.

Лихо, лихо. Это я — лихо, это меня она подсадила Миките, но отчего он так озверел? Расслышал слово «клятая», что оно означает? Я родилась «в пеленке»... «в рубашке»? В плодном пузыре? Здесь это значит какое-то проклятье?

— Почему ты считаешь, что Тронный Двор мне не поможет? — опять спросила я. — Я жена осужденного, я имею такое же право развода, как и все прочие жены.

— Вы клятая, — терпеливо, как ребенку, — объяснила Наталья. — Кроме как на чьих-то руках вы не пройдете в церковь никак, вы Огня Святого не стерпите, загоритесь. Вас венчали при церковном дворе, Аглая Платоновна, но одно — повенчать, другое — добро вам сделать. Люди, они зло ищут там, где его и нет.

Вот с этим я была совершенно согласна. Значит, о том, что со мной что-то не так, знают в церкви. И, наверное, я не одна такая, раз никого это особенно не удивило, но и не расположило ко мне никого.

— Но вы молитесь, — горячо посоветовала Наталья, — глядишь, и умилюстит Всевидящий их сердца и умягчит...

Она втянула меня в переулок, и я опознала место, где мы вышли из дома фон Зейдлица. Мои скитания завершены, но неизвестно, что ждет меня завтра. Я — человек, которого хочется уничтожить, только воспользоваться подвернувшимся шансом, но почему? Из-за того, что я родилась «в рубашке»

и это связано как-то с огнем, с каким огнем? С тем, который я видела в домово́й церкви и которого коснулась?

Я застыла, даже ногу на ступеньку забыла поставить. В моей голове начинало что-то складываться; пока робко, но нить я нащупала и боялась ее потерять. Наталья вопросительно на меня посмотрела, я кивнула и стала подниматься.

Со мной, с клятой, считались, пока я козыряла своим происхождением, деньгами, титулом и положением в обществе, и могли перестать, едва я перешла в разряд изгоев. Мне устроили брачный обряд — или что это было — в порядке определенного исключения, а дать свободу и развод могли лишь в случае искреннего сочувствия ко мне. Я не могла пройти через огонь сама и даже будучи младенцем чуть не устроила самосожжение, но теперь, когда я — не совсем я, что-то изменилось. Я уже касалась огня. Если я смогу убедить церковников, что я «нормальная», что у меня больше нет той силы, о которой обмолвилась Наталья, а я смогу, ну а если нет... лучше сгореть, чем гнить среди ледников?

Дом спал, и меня никто не хватился. Даже ужин оставили на серебряной изящной тележке возле двери моей комнаты. Холодный, черт побери, но поесть — и сразу спать, желательно не раздеваясь.

Я так и сделала. Еда была вкусной, несмотря на то, что давно остыла, мясо — свежим и мягким, пожалуй, холодным оно было аппетитнее. Воздушный хлеб, приятно хрустящие на зубах овощи — да мне еще повезло, иронично подумала я,

вспомнив книгу про средневековье, которая мне попадалась как-то в связи с попытками погрузиться в историю парикмахерского искусства. Вот уж когда жирное несоленое мясо, разбавленное вино вместо чистой воды, а пить воду как она есть — обречь себя на скорую гибель.

Я как крестьянская девка облизывала озябшие пальцы. Горячая пища согрела бы, но где уж тут выбирать.

Наталья убирала шпильки из моей косы, снимала с меня верхнюю одежду, а я размышляла: о какой силе говорила она — о силе браслета без огромного драгоценного камня, и умоляла меня не думать... о чем? Что она имела в виду? Где моя голова, где проклятая память, или эта дуреха Аглая ее при своем разуме не имела?

Браслет, да, похоже на то, Наталья смотрела на улице на мое запястье. Я сейчас тоже взглянула, задрав рукав лонгслива: еле заметный отпечаток, и он действительно напоминает след от этого браслета.

Браслет, камень, которого нет, и сила, которой я лишена и о которой не стоит и заикаться. Сила... лихо... колдовство? Тогда объяснимо, почему местная церковь мне крайне не рада, и еще предупреждение стражника — «не попадайся графине на глаза, байстрюка не выносишь».

Все-таки колдовство. Головоломка сложилась?

«Завтра», — пообещала себе я, забираясь в постель и выпихивая из-под одеяла одежду. Завтра я приду на Тронный Двор. Ведьма я или нет, завтра либо моя смерть, либо спа-

сение.

Я думала, что не усну. Состояние было кошмарным — обрывки мыслей, отрывки новых для меня впечатлений — люди, город, казнь, тюрьма, мой муж, но потом я зарылась лицом в подушку — и, кажется, я плакала — и закрыла глаза, сказав себе: «Может быть, завтра я очнусь в больничной палате».

Наверное, это меня спасло. Я провалилась в сон моментально, в сон спокойный, размеренный, без кошмаров, и когда меня затрясла чья-то рука, я обрадовалась.

Зря.

Вспомнила я не сразу — где я, кто склонился надо мной, а вспомнив, рухнула в бездну отчаяния. Ничего не исчезло, все это здесь. Мир, казнь, муж, отец и клятая от рождения маленькая графиня.

— Ваше сиятельство, поднимайтесь, — шептала Наталья озабоченно. — Поднимайтесь, я вещи пока ваши сложу.

— Тронный Двор, — кивнула я, садясь на кровати и тревожно вглядываясь в окно. Там была непогода, и толстая ветка с силой стучала о деревянную раму. Может, и стекло разобьет. Но мне надо идти, что за апокалипсис бы ни творился и что бы на Тронном Дворе меня ни ждало. — Скоро рассвет?

— Рассвет и казнь, ваше сиятельство, — ответила Наталья, и мне показалось, что она плачет. — Затемно к нам пришли, казнь утром, пока еще и нет никого. Боятся, что шторм усилится, тогда уже не уплыть. И казнь сейчас, и отправитесь

вы сейчас, его сиятельство повелел собрать вас... голубушка вы моя! Звездочка моя ясная!

Наталья побросала вещи, которые подбирала возле кровати, и с воем повалилась в ноги передо мной.

— Да что же творится такое, заступник Всевидящий! Родную дочь на гибель верную за силу ее великую! Прости, прости, матушка, прости меня, дуру грешную! Век молиться буду за звездочку мою! — рыдала Наталья, а дверь моей комнаты дважды сотряслась от удара.

А я ведь имею возможность потребовать, чтобы она следовала за мной, подумала я. Но имею ли право? Она — моя собственность, но она — человек. Поможет ли она мне в изгнании или сделает так, чтобы моя жизнь стала вовсе невыносимой?

За окном взвыл как спятивший ветер. Тем, кто стоял за дверью, надоело слушать стенания Натальи, и они бессовестно вломились ко мне: монах, которого я вчера видела, высокая худая женщина в подобии рясы и еще одна женщина, судя по одежде, служанка. Наталья разом перестала причитать как над покойником, подняла голову и одними губами произнесла:

— Не выжить вам без него. Спрячьте.

И я почувствовала, как в мою руку легло что-то теплое и очень тяжелое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.